

Протоиерей Дмитрий Сазонов

Доктор философских наук, профессор Российской академии естествознания, доцент Костромской духовной семинарии

К объективным оценкам реформы приходского управления Русской Православной Церкви 1961 года

В статье, в результате изучения материала, а также с учетом постановки проблематики, удалось прийти к результатам, из которых следует, что к 1988 году, к работе Поместного собора, на котором был принят новый Приходской устав, состояние церковных организаций духовно, организационно и финансово стало более крепкими, чем до начала 1960-х годов. Выводом статьи следует считать тот факт, что, несмотря на пессимистические оценки реформы в историографии, относительно благополучное состояние приходов позволило начать церковное возрождение 1990-х годов.

Ключевые слова: приход, Архиерейский собор, реформа, устав, организация.

В историографии посвященной теме принятия на Архиерейском соборе в 1961 году приходской реформы нет положительных формулировок и отзывов. Однозначно реформа приходского управления подается как насилие государственной власти над Церковью и сервиллизм церковного руководства, поддавшегося насилию и натиску властей, пожелавших разрушить церковный приход. Принятие реформы трактуется в историографии как разрушительный удар по канонической организации прихода. Одни из представителей созданного в историографии направления мысли, такие, как, например, Г.С. Битбунов, анализируя решения и результаты изменений в приходском управлении, критикуя за недостаточно глубокую и вдумчивую позицию таких исследователей темы как епископ Василий (Кривошеин), протоиерей Владислав Цыпин, Ю.В. Гераськин, и др., считают реформу главной целью гонений. Он пишет: «Магистральным направлением этой антирелигиозной компании следует безоговорочно признать беспрецедентную неканоническую перестройку приходского управления, которая, по сути дела, лишала духовенство всех хозяйственно-административных функ-

ций»[2, с.110]. Далее, на основании якобы «логики фактов», он делает вывод, что «следствием принятия реформы стало ослабление финансово-хозяйственного потенциала приходов, массовое закрытие храмов, сокращение церковного актива и обслуживающего персонала церквей». Затем, Г. Битбунов продолжает повторять уже закрепившуюся в историографии фабулу, говоря, что «в результате [реформы] сложилась всеобъемлющая, многовекторная система государственного контроля за деятельностью Русской Православной Церкви, которая противоречила Конституции СССР и нормам международного права»[2, с.120].

Для выяснения объективности такой позиции и оценки принятия реформы руководством Русской Церкви на Архиерейском соборе, ее значение в антирелигиозной компании, следует сделать исследование обратившись к ретроспективе организации прихода. Начав изучение с рассмотрения двух законодательных актов, принятых в качестве законодательных для Церкви в плане приходского управления, а именно: принятие в апреле 1918 г. Приходского устава на Поместном соборе[16, с.10], и январского Декрета «Об отделении церкви от

государства и школы от Церкви» принятого в том же году.

Для ясного понимания вопроса обратимся к реализации принятых государственных органами власти и церковным Собором постановлений, их результатам, и последствиям их принятия. Отметим сразу, что Приходской устав, расширяющий полномочия мирян (финансово-хозяйственная сфера) и передающий полномочия руководства (пастырского попечения) священнослужителям, принятый на Приходском соборе в 1918 году, не мог быть реализован в силу ряда причин. Основным фактором, по которому он не мог вступить в силу, был фактор игнорирования церковным сообществом изменения государственного законодательства в отношении к религии, а также, игнорирование государством церковных постановлений. Принятие Приходского устава нивелировалось невозможностью его реализации в условиях советской власти и юридической несостоятельностью. Советское государство признавало имеющим юридическую силу только свой законодательный кодекс в отношении религиозных организаций. Так что, ни о каком самостоятельном, независимом от государства и его законов, существовании в СССР любого сообщества и организации, их жизни по утвержденным им внутренним правилам, не могло быть и речи.

В инструкции по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства читаем: «Декрет об отделении церкви от государства с изданной к нему инструкцией Народного Комиссариата Юстиции (Собр. Указ. 1918 года № 62, ст.685) являются основным законом, на котором должны основываться все распоряжения и действия власти на местах»[14,с.102]. Таким образом, согласно государственному пониманию своей власти, никакие церковные документы властью не могли быть рассмотрены в качестве легитимных. Об том же недвусмысленно свидетельствуют и сами историки и исследователи темы. Заметим, что только отображенная в Декрете, в качестве обязательной, регистрация религиозного объединения, считалась легитимной, и оправдывала его легаль-

ную деятельность и существование. Она же ставила приход под контроль государственного законодательства. Ни о каком праве самостоятельного юридического лица в отношении церковной организации речь в государственном законодательстве не шла на протяжении всего существования Советского государства. Прописанное и принятое Собором в 1918 году в Приходском уставе право приходу иметь юридическое лицо вызывает лишь недоумение.

Тем более, что с принятием Собором Приходского устава в 1918 году, и в последующие годы советской власти, вопрос ставился не о возможности игнорирования государственного законодательства, а о выживании Российской Православной Церкви в Советском государстве. Напомним, что в 1922-1923 гг., в годы в результате реализации гражданского законодательства, фактический глава Церкви - Патриарх находился под следствием, ввиду его правонарушения. В дальнейшем, Российская Церковь, как тогда фиксировалось в документах - «тихоновской ориентации», вела легальное существование в государстве только благодаря признанию в Декрете 1918 года государством за мирянами право организовывать приходскую организацию. Согласно государственному Декрету, для функционирования религиозных сообществ, церковный актив, мог пригласить для совершения богослужений священнослужителей. В п. 11, 12 обозначенной инструкции значит, что никакие центральные организации (всероссийские, епархиальные и т.д.) не могли претендовать ни на культовые здания, которые передавались в бесплатное пользование группам верующих или религиозным обществам, ни на вообще, какую-либо церковную собственность. «От добровольного согласия самих верующих или религиозных обществ зависит подчинение распоряжениям центральных, или епархиальных органов, - читаем в п. 11-м инструкции, - делаемых ими в порядке внутренней церковной дисциплины, поскольку таковые распоряжения касаются хозяйственного управления культовым имуществом»[14, с.104]. Имущество приходов, как и церковное здание, было сдаваемо государством приходской общине

в аренду. Оно принадлежало государству на правах собственности. Отметим, еще одну особенность. До «сталинской конституции» 1936 года священнослужители были поражены в гражданских правах, и не могли возглавлять никакую религиозную организацию, в том числе, приходскую. Т.е., находились вне гражданских прав. Даже получив гражданские права по Конституции 1936 года, они не могли быть выбраны в церковные исполорганы согласно Положения о церковных объединениях 1929 года. С 1918 по 1945 гг., и в последующие годы советской власти, приходская организация была возможна только в рамках правового поля на условиях государственного законодательства, которое не потеряло своей юридической силы. Еще раз, сославшись на законодательство, обратившись к тексту отметим, что согласно ст. 5 постановления ВЦИК и СНК РСФСР «служители культа, объединенные соответствующими религиозными центрами и епархиальными управлениями, не могут быть учредителями религиозного общества, а следовательно, и не вправе подписывать договор на получение в бесплатное пользование молитвенного здания и церковной утвари»[8, с.28]. То же самое было прописано и в отношении религиозного имущества организаций. Священник на приходе с 1918 по 1988 гг. не имел право ничем владеть, ни чем руководить.

О контроле над религиозными организациями следует знать, что он никогда, ни в какие годы советской власти не ослабевал. Уже на стадии регистрации прихода, согласно ст.14 Положения 1929 года закреплен государственный контроль. Читаем: «исполкомы местных органов власти имеют право отвода членов исполнительного органа прихода или даже отдельных лиц из группы верующих, с разрешения районных и городских исполкомов проводятся общие собрания» (ст.12), «предоставляют сведения о служителях культа»[8, с.30-33]. Говорить, что всеобъемлющий контроль в отношении церковников был прерогативой только 1960-х годов, значит, ничего не знать о контроле над религиозными организациями в 1920-1930-е годы. Отметим, что тогда вопрос стоял о физической ликвидации Церк-

ви, посредством ликвидации епархиальных управлений и организационных церковных структур (благочиний). Оставались лишь зарегистрированные мирянские общины.

Опровергая аргументы Г.С. Батбунова о «неканонической перестройке» прихода в 1961 году и нарушении Конституции страны и международного права, отметим, что на данный момент не имеется ни одного документа, который бы свидетельствовал, что принятие на Архиерейском соборе в 1961 году поправок в церковное приходское управление связано с нарушением Конституции СССР, либо норм международного права. Как не имеется в наличии ни одного свидетельства, что приходская реформа 1961 года стала «магистральным направлением» антирелигиозной компании 1960-х годов.

На конец 1964 года в Русской Православной Церкви действующими числилось 7630 прихода. За 1963 — 1964 годы было закрыто более 700 приходов. Это меньше, чем в пиковые 1960 — 1962 гг., но больше чем в 1959 г. Для сравнения, на территории РСФСР в 1959 г. было закрыто 364 православных храма; в 1960 г. — 1398, в 1961 — 1423, в 1962 — 1569. Приведенные цифры закрытия храмов говорят о том, что храмы закрывались с большей или меньшей интенсивностью во время всей волны антирелигиозной компании, а не только после 1961 года. Сокращение количества храмов продолжалось и в последующие годы советской власти. Из 205 церквей Ростовской епархии, оставшихся действующими после закрытия в 1945–1957 гг., в 1959 г. была закрыта 31 церковь (15 % от общего количества храмов в епархии); в 1960 году — 53 (25 %); в 1961 году — 17 (8 %); в 1962 году — 22 (11 %). С 1963 по 1969 гг. было закрыто 20 храмов (10 %), т.е., количество закрытых властями храмов сократилось. Напомним, что с 1945 по 1957 гг. в Ростовской области из 236 действующих храмов была закрыта 31 церковь (15 %)[17, с.3]. В Калужской области за 1960 год было закрыто 4 церкви, в 1961 году закрыто еще 3 церкви. Если на 1 января 1960 года в области было 37 действующих православных храмов, то к 19 июня 1961 года их осталось 30 [6, с.10]. Из дан-

ных приведенной статистики и мотивации побуждающей к их закрытию видно, что поводы к закрытию храмов были различными. Они варьировались от передачи церковных зданий под культурные учреждения, передачи под различные нужды колхозам и совхозам, до закрытия ввиду неполной двадцатки. Однако, важно зафиксировать факт того, что закрытие храмов шло во все годы Советской власти, в 1930-е годы их было закрыто несравненно больше, чем в 1960-е. О том, что изменения в приходском управлении стали толчком к закрытию храмов, или «магистральной целью антирелигиозной компании» нет никаких оснований. Говорить, что приходская реформа стала целью антирелигиозной компании, значит, не понимать суть государственно-церковных отношений в СССР. Они были наполнены другим смыслом, нежели отстранение духовенства от финансово-хозяйственной деятельности.

Суть поднятой темы и объективных оценок на состояние церковно-государственные отношений состоит в том, что церковные постановления не рассматривались властью в качестве принятых к исполнению. Власть диктовала условия Церкви. Поблажки послевоенного периода в смягчении религиозного законодательства 1929 года были продиктованы лишь заинтересованностью власти для использования Церкви в качестве инструмента в проводимой властью международной политике. Сам вопрос о легализации путем регистрации церковного управленческого аппарата Патриаршей Церкви стал возможным и пришел в практическую область только со времени существования в 1927 «Сергиевского синода». Ни о каком церковном приходском законодательстве, прописанном в церковных правилах, кроме как, в указанных государством положениях Декрета 1918 г. и Положения 1929 года, вопрос не ставился. По свидетельству Г. Карпова, и всей истории СССР, Церковь не могла оказывать государству никакого сопротивления, не могла быть самостоятельной структурой [10, с.287]. Вопрос о проведении в послевоенное время Поместного собора с целью выработки церковных решений (законодательства) в

свете сложившейся обстановки и норм гражданского права постоянно откладывался [13, с.55-78].

В связи с поставленной задачей исследования объективности оценок на церковную реформу 1961 года следует сказать не только об отрицательной, но и о положительной стороне гражданского законодательства в отношении к религии. После завершения работы Поместного собора в 1918 году мощной силой, защитившей Церковь от ее полного разгрома стали разрешенные гражданским законодательством братства и трудовые союзы. Только и именно в силу их организации мирянами. Налицо была явлена народная поддержка Российской Церкви.

Легализации Патриаршей Церкви в 1943 году ввиду ее востребованности государством для решения своих политических задач, дала возможность принять на Поместном соборе 1945 года Положение о приходских организациях. Принятое Положение дало надежду на организацию устройства прихода в смысле церковного взгляда на него, учитывая определенные договоренности между Церковью и государством в послевоенное время. Согласно его Положению, позволившему, чтобы приходом управлял настоятель, получивший равноправные избирательные возможности в 1936 году, выстраивалась внутрицерковная правовая система, схожая со смыслом Приходского устава 1918 года. Но не с государственным правом!

Обосновывая решение о реформировании приходского управления на Архиерейском соборе 18 июля 1961 года Управделами Московской Патриархии митрополит Тульский и Белевский Пимен, в начале доклада сделал ретроспективу развития приходской жизни в Русской Церкви, где конструкция прихода соответствовала запросам общественного устройства. Причем, он указал, на отсутствие церковных правил, определяющих конкретный строй приходской жизни, кроме прав духовенства на имущество прихода. Главной мыслью, озвученной на Соборе была та мысль, что настоящей причиной, побудившей к принятию реформы прихода, стали действия настоятелей храмов в послевоенный период, кото-

рые вызывали нарекания со стороны властей и людей. Позволенное Положением о приходе 1945 года право священнослужителю возглавить приход и управлять им, выразилось в «стремление к единоличному, иногда диктаторскому управлению приходом и приходским имуществом, что порождало на местах недоразумения и конфликты, а также приводило к нарушению гражданского законодательства в отношении Церкви»[9, с.11]. Такое положение не способствовало нормальному течению приходской жизни, не способствовало соборному формированию церковной общины. В подтверждение слов о злоупотреблениях на приходе со стороны настоятелей можно найти много высказываний в воспоминаниях священнослужителей и их духовных чад того времени. В этих свидетельствах звучат нелицеприятные мнения о действиях настоятелей приходов, их «непомерной» алчности, которая дала повод к критике их деятельности. Например, можно познакомиться с мнением такого авторитетного священнослужителя как архимандрит Таврион (Батозский), который занимал позицию, созвучную высказанным на Соборе архиереями соображениям и пониманию прихода, как соборной общины. Критикуя злоупотребления в основном городского зажиточного духовенства он указывал, что от реформы 1961 года пострадали в основном священники в провинции, на бедных приходах, на доходах городского духовенства реформа сказалась не так критично [3, с.264].

В 1950-е годы в Совет шли жалобы от церковных советов и прихожан на авторитарный стиль управления некоторых настоятелей. Так, на имя председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова члены приходской общины Борисо-Глебского кафедрального собора города Рязани в частности писали: «Мы – хозяева церкви!» Критически оценивая деятельность настоятеля и священнослужителей они отмечали, что «у нас церковь для духовенства, а не для верующих, а верующие есть пчелы, приносящие мед в улей – церковь»[7, с.101]. Отметим еще одну побудительную для проведения реформы особенность. Одним из мотивов ее принятия, которые следует учесть, был тот факт,

что в 1960 году произошло обновление Уголовного кодекса СССР, где ужесточалась ответственность за экономические преступления. Соборное постановление 1961 года о приходах, где разграничивалась зона ответственности, в частности, возложение на мирян финансово-хозяйственной деятельности, выводило духовенство от подозрений и уголовного преследования за подобную деятельность. Уже в Постановлении 1958 года «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» предлагались в качестве ограничительных мер в отношении активности церковников административные меры воздействия. Вступали в силу статьи, по которым духовенству вменялись действия, последствия которых влекли за собой уголовное наказание. Т.е., в начале 1960-х годов для духовенства наступало время ужесточения контроля за их деятельностью не только в идеологической сфере, но в части финансово-хозяйственной дисциплины.

Прибывшие на архиерейский собор руководителя епархий – архиереи поддержали инициативу проведения реформы. С поддержкой реформы и положительному решению ее принятия на Соборе выступил митрополит Крутицкий и Коломенский Пирим (Свиридов). Он зачитал письменные заверения духовенства и верующих вверенной ему Крутицкой епархии в которых указывалась положительная позиция решений Собора в приходском вопросе. Авторы письма считали реформу канонически и исторически верной и решение о ее принятии правильным: «чтобы оно обеспечило сохранение формы и существа православной христианской общины и не противоречило гражданскому законодательству о религиозных объединениях»[9, с.12]. Затем, выступили митрополит Херсонский и Одесский Борис (Вик) и Минский и Белорусский Варлаам (Борисевич), другие архиереи, которые, раскритиковав нарушение соборности прихода Положением 1945 года, ввиду «авторитарного» управления приходом настоятелей, высказали не только свое согласие реформе, но назвали ее «своевременной и необходимой».

Таким образом, на основании анализа документов и объективного взгляда на создавшуюся в приходской жизни ситуацию следует признать, что, первое, нет оснований утверждать, что десятилетний период с 1954 по 1964 гг. был временем, в котором церковная проблема была для государства основной. Второе - циркуляры и инструкции издавались во всех сферах государственной и общественной жизни. Как известно, антирелигиозная проблематика решалась в свете идеологических задач по буквальному построению коммунистического общества, особенно после XXII съезда партии, в октябре 1961 года, решениями которого был провозглашен курс на построение коммунизма в ближайшей перспективе. Согласно доктрине, в коммунистическом обществе не было места религиозным пережиткам. Таким образом, снятие с регистрации малоприходных храмов, ужесточение контроля за религиозным законодательством, антирелигиозная компания – не были следствием реформы приходского управления. Они были увязаны с общим идеологическим курсом на построение нового общества. Повторим, принятие реформы прихода не было нововведением государства и не стало «локомотивом» гонений.

Мнение современных историков о сервиллизме архиереев, поддержавших реформу прихода, не выдерживает критики. Если вспомнить служение в Церкви митрополита Пимена (Извекова), то можно найти большое количество свидетельств о его церковной позиции по защите интересов Церкви, а также, по неустрашимости и твердости такой позиции. Подтверждением тому можно привести тот факт, что будучи наместником Троице-Сергиевой Лавры, он непреклонно отказался выдать иконы из Троицкого собора Лавры для организации выставки в Третьяковской галерее, понимая, что древние иконы власти могут не возвратить[5, с.91].

Восстанавливая объективную картину сложившейся обстановки следует указать, что обращение к восстановлению во внутригосударственной политике «ленинских норм» и возвращение к практике государственного законодательства в отноше-

нии религии первого десятилетия Советской власти было не только государственной прерогативой в отношении к Церкви. Курс на искоренение последствий культа личности И. Сталина и на соблюдение законности был взят во всех сферах государства. Во второй половине 1950- начала 1960-х гг. реформированию подверглись все государственные и общественные институты. На партийных съездах и конституционных комиссиях вырабатывалась доктрина «общенародного государства», возвращение евангелистическим опытам по созданию нового человека. Партийные и государственные интересы формировались в контексте идеологической формулировки «перехода к коммунистическому обществу». Создавались предпосылки к расширению коллегиальных и демократических начал в государственном управлении с последующим превращением его в «народное общественное самоуправление». Настойчиво стали подчеркиваться моменты укрепления законности, активное включение граждан в управление общественными делами. В качестве достигаемой цели указывалось построение «бесклассового коммунистического общества» базирующегося на общественном самоуправлении[12, с.314, 345]. «Время действующих лиц прошло, - писал Рудольф Пихоя о победе партийной номенклатуры над государственным аппаратом, - пришло время <...> «коллективного героя» советской истории 1960-1970-х гг.» Исходя из создавшейся обстановки, согласно которой бесклассовое общество, широкие массы трудящихся должны были управлять государственными институтами, следует признать правомерность внедрения приходской реформы в церковную жизнь[13, с.392]. Таким образом, можно сделать вывод, что реформа приходского управления стала востребована в общей парадигме поставленных государством идеологических задач, и не решала кардинальных целей по ликвидации религиозных пережитков, или ликвидации церковной организации.

Несмотря на острую критику реформы приходского управления принятую под давлением государственной власти, приведем факты, которые могут свидетельство-

вать, что Русская Православная Церковь когда пришло время, смогла отстаивать свои интересы. К работе принятию нового Приходского устава на Поместном соборе 1988 года, где были восстановлены права настоятеля как руководителя церковной общины. К 1980-м годам Русская Церковь материально окрепла. Бюджеты епархий были профицитные. На свои средства Церковь воссоставляла отданные ей в 1980-е годы монастыри - Даниловский и Толгский, платила пенсии, содержала наемных работников, выплачивала священнослужителям «лечебные» пособия и отпуска, выдавала ссуды, оплачивала реставрационные и ремонтные работы в храмах. Речь шла о крепкой финансовой основе жизни Церкви. Для примера, сравним остаток кассы Костромского епархиального управления в 1960-е и 1980-е годы. Налицо мы увидим постреформенное увеличение церковных доходов. Остаток кассы в 1962 г. = 3629 руб.; в 1963 г. = 13342 руб.; в 1988 г. = 57487 руб., почти в 5 раз больше. Поступлений за 1962 г. = 395519 руб.; в 1988 г. = 998019 руб., т.е., почти в 3 раза больше. В 1962 году сотрудников Епархиального управления числилось 3, в 1988 году = 7 [4, с.1]. Церковь не только финансово окрепла. За постреформенные годы в Церковь пришли люди прошедшие обучение в Духовных школах, в основном - грамотные пастыри, преданные своему призванию, разбирающиеся в законодательстве и умении им пользоваться.

Выводом по рассмотренному материалу и выявленным фактам необъективного подхода отраженного в историографии посвященной приходской реформе 1961 года, следует считать ошибочным мнение о губительности и катастрофичности реформы 1961 года для приходской жизни как с канонической, так и с практической точки зрения. По своим критериям реформа отвечала всем критериям православной соборной канонической христианской общины. Главным ее недостатком стало отстранение духовенства от управления приходом, его неудовлетворительное каноническое положение, и непосредственное государственное вмешательство в жизнь прихода. Именно государственное вмешательство в жизнь

прихода стало источником конфликтных ситуаций в 1960-е годы, как впрочем, и во все времена.

Однако, в условиях советской действительности и поставленных идеологических задач, как уже отмечалось выше, Церковь не могла самостоятельно руководствоваться своими правилами и постановлениями, игнорировать государственное законодательство. Тем, более, открыто противопоставить свою позицию государству.

Церковь преодолела временные трудности своей жизни тем, что противопоставила своим гонителям силу духа веры. Сила духа и веры, согласно обещанию ее Основателя, разрушила со временем власть и идеологию государственного атеизма (Мф. 16:18)[1, с.1369]. Последующее время ярко свидетельствовало о правильности выбора такой позиции.

В заключение статьи, размышляя над ее проблематикой и выводами, можно заявить, что представляется важным прислушаться к размышлениям и аргументам, которые будут не лишними в оценке принятой в 1961 году приходской реформы, вошедшей в практику церковной жизни на протяжении 30 лет. К сожалению, все исследования темы и ее проблематики касаются и освещены только ракурсе государственно-церковных отношений, где приходская жизнь рассматривается однобоко, с точки зрения перекосов, вмешательства органов государственной власти, ее насилия над церковной свободой, и связанных с ними скандалов. Почти нигде в историографии в качестве канонической несостоятельности Положения 1945 года не приведен аргумент, что Приходской устав 1918 года, дававший большие полномочия мирянам в управлении приходским имуществом, мог быть отменен постановлением только Поместного собора. До сих пор не сделан анализ положительных сторон прошедшей в 1961 году реформы. Принятый в 1988 году Приходской устав просуществовал до 2000 года, 18 лет. Временной период, который дает повод для сравнений положительных и отрицательных сторон ее принятия, а также, их аналитики. Реформирование жизни прихода продолжилось на Архиерейских соборах в 2000, 2008,

2009, 2011, 2013, 2016, 2017 годах. Оно осуществлялось в том числе, ввиду изменения государственного законодательства, где наряду с реформированием самого Устава РПЦ, были внесены поправки и изменения в Приходской устав.

До сих пор единодушного положительного ответа и откликов с мест на принятие поправок у священнослужителей и мирян нет. Улучшили ли нововведения приходскую жизнь? Действительно ли церковная приходская община, обладая всеми правами, в настоящее время обладает всей полнотой соборности, ее назначению, и удовлетворяет потребностям прихожан? Возникшие вопросы предлагают дискуссию и проблематику исследования, которая будет не лишней в осмыслении и оценке реформы 1961 года.

Библиографический список:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. United Bible Societies, 1991. - 1369с.
2. *Битбунов Г. С.* Архиерейский собор Русской Православной Церкви 1961 г. и новая схема управления приходом: предварительная подготовка, итоговые решения и практические результаты//Церковно-исторический вестник. М.: Издание общества любителей церковной истории, 2009/2010. №16-17. С.110-120.
3. *Бычков С.* Страдный путь архимандрита Тавриона. М. : Издательство «Тэтис Паблিশн», 2007. 464с.
4. Годовой отчет Костромского епархиального управления за 1962г. 18с.; Годовой отчет Костромского епархиального управления за 1963 г. 20с.; Годовой отчет Костромского епархиального управления за 1988 год. Приложение. 12с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.3-6991. Оп.2 Д.151. 252л.
6. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. р-3501. Оп. 1. Д. 57, 120л.
7. Государственный архив Рязанской области. (ГАРО). Ф. р 5629. Оп. 1. Д. 135. 147л.
8. *Гольст Г. Р.* Религия и закон. М.: «Юридическая литература», 1975. 112с.
9. Деяния Архиерейского собора Русской Православной Церкви 18 июля 1961 года//Журнал Московской Патриархии. М: Издание Московской Патриархии, 1961 . №8. С.5-29.
10. *Журавский А. В.* Приход в Русской Православной Церкви в XX веке// Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. Т.00. М., 2000. С.273-276.
11. Инструкции по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства. Постановление народных комиссаров юстиции и внутренних дел от 19 июня 1923 года. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма. Документов КПСС и Советского государства. М.: Издательство политической литературы. 1977. С.102-104.
12. *Кузнецов И. Н.* История государства и права. Курс лекций. Минск: «Амалфея», 1999. 528с.
13. *Мазырин А., священник.* Эволюция отношения митрополита (Патриарха) Сергия (Страгородского) к обновленческому расколу в 1920—1940-е годы // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. 2019. № 90. С. 55–78.
14. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма. Документов КПСС и Советского государства. М.: Издательство политической литературы. 1977. С.176.
15. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945-1985. М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. 715с.
16. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 3. 71с.
17. *Сосковец Л.И.* Положение Русской православной церкви в период «хрущевской оттепели» // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2011. № 4. С. 29-35.

©Сазонов Д. И., протоиерей, 2023